Троглодит ли я?

Сегодня утром меня посетила странная мысль.

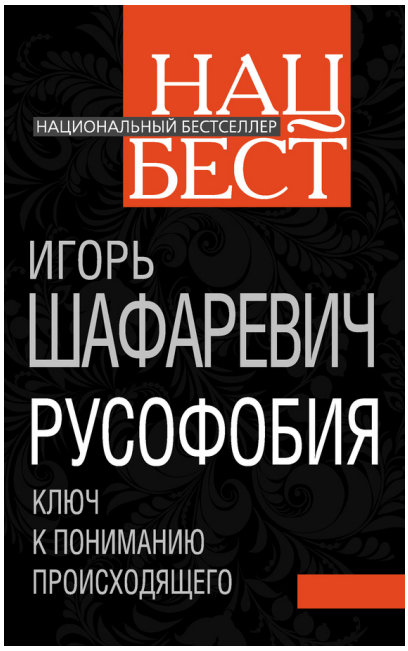
В послевоенном совке было два вида антисемитов. Первый — антисемиты физиологические. В литературе к ним принадлежали такие рожи, как Анатолий Софронов, Николай Грибачев, Всеволод Кочетов, Иван Шевцов, Сергей Васильев, Владимир Чивилихин (по чьей книге было названо общество «Память»).

В науке это были, например, математики Виноградов, Понтрягин и Ершов.

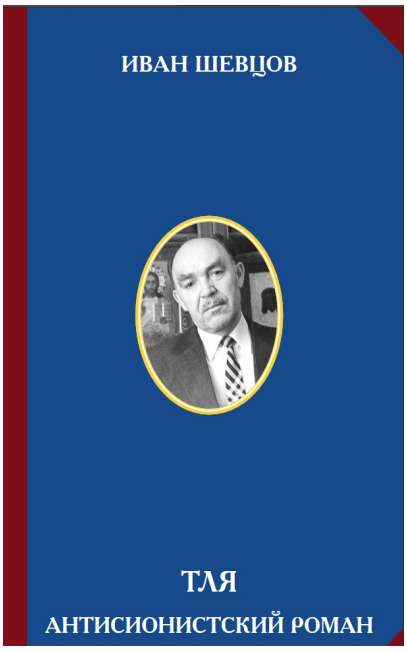
Второй вид — антисемиты теоретические. Среди деятелей культуры в эту категорию входили Вадим Кожинов, Владимир Солоухин и, увы, выдающийся филолог и философ Алексей Федорович Лосев. Из ученых

прежде всего вспоминается Игорь Шафаревич.

Эти люди не видели в конкретно взятых евреях ничего ужасного, однако полагали, что евреи как класс вредны, ибо они по разным причинам губят русский дух и самобытность.

Возможно, Солоухина следует отнести к первому, пещерному виду. Вообще, грань между «физиологами» и теоретиками тонка и текуча, так что с моей классификацией можно спорить. Но это не имеет значения. То есть, для советских евреев не имело существенного значения: для нас все перечисленные деятели были одним черносотенным миром мазаны, и математически гениальный, интеллигентный и, возможно, не питавший в личном плане к евреям никакой злобы и брезгливости автор «Русофобии» И.Ш. (Игорь Шафаревич, — прим. ред.) был даже похлеще брызжущего юдофобской слюной литературно бездарного И.Ш. (Иван Шевцов, — прим. ред.) — автора романа «Тля».

Короче говоря, что рожи, что лица, все эти ребята были для нашего еврейского брата равно отвратительны.

Часть первая моей утренней мысли окончена. Перехожу к части второй.

Я прожил в СССР две трети жизни, остальное в США. В совке был либералом, но совершив при перелете через Атлантический океан закономерный кульбит, стал консерватором. Это, в частности, означает, что я стою за традиционные

ценности, негативно отношусь к однополым бракам, чересчур смелым экономическим доктринам, слишком крутой левизне в политике etc. И едва ли не в первую очередь из этого следует, что я твердо и непоколебимо стою за консервацию западных культурных и моральных ценностей. Иначе говоря, я горячий патриот иудео-христианской цивилизации.

А это, в свою очередь, означает, что я противник:

а) неумеренной иммиграции и, тем более, нелегальной инфильтрации не белых людей в Америку;

б) дальнейшего усиления цветного влияния в американской политике и цветных идей в американском социуме и культуре.

И вот сегодня утром я вдруг — не знаю, почему, возможно, не выспался — посмотрел на себя со стороны. И что же я увидел?

Физиологически я ничего не имею против негров, китайцев или арабов. Мне безразличен (или, во всяком случае, мне кажется, что это так) цвет кожи моего сотрудника или соседа (хотя, честно говоря, я все-таки не хотел бы, чтобы супругами моих трех детей были негритянка, арабка и китаец).

С другой стороны, я убежден, что рост числа не белых в Америке вреден и пагубен. Или, скажем так, — пусть их число на здоровье увеличивается, но при одном условии: коренные американцы на всех уровнях: власть, школы и вузы, интеллигенция, простой народ — будут не грубо, не по-ксенофобски, без всякого там оголтелого национализма-шовинизма, но все-таки явно, стойко и каждодневно сопротивляться натиску чужих, чуждых идей/культур и целенаправленно проводить аккультурацию «новых американцев», вместо того, чтобы с каким-то мазохистским упоением отдаваться их идеям/культурам и глубоко — до гланд — таковые заглатывать. А иначе моей родной иудео-христианской цивилизации скоро придет кирдык. Да, именно не конец, финиш, капут, швах или фиаско, а кирдык, кибош, хана.

Вот так я думаю.

Повторю: я лично ничего не имею против цветных — просто считаю, что они губят иудео-христианский дух и самобытность.

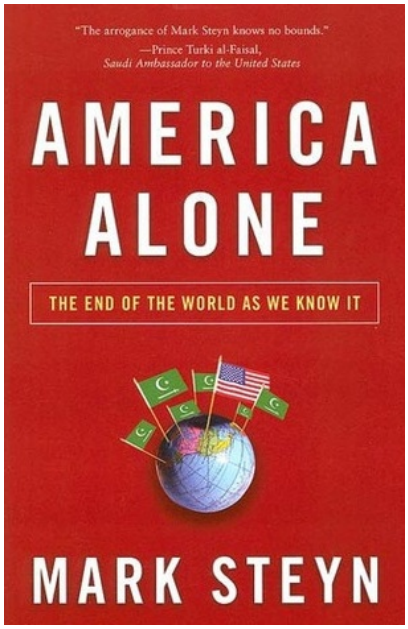
Но если я так считаю, то что же это получается? Ведь я, выходит, вполне

симметричен второй (теоретической) группе русских антисемитов? Но ведь я считал их гадами? Неужели и я гад?

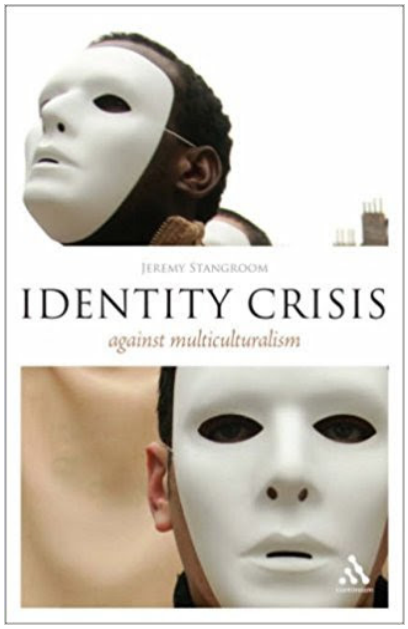
Во всяком случае, если американские цветные сочтут меня за такового, то чем они будут несправедливей меня, считавшего гадом Шафаревича?

Все-таки очень странно, что эта зеркальная аналогия раньше никогда не приходила мне в голову.

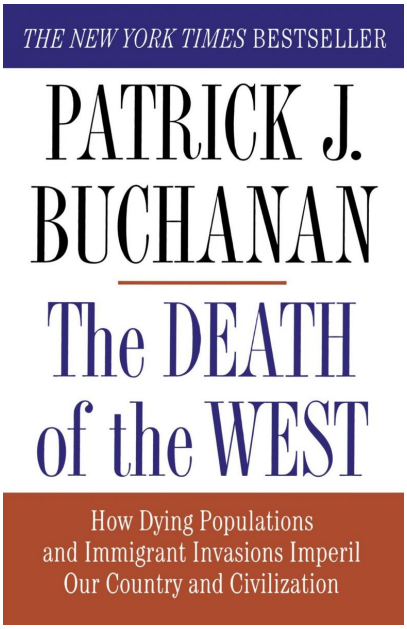
Нет, сталкиваясь с какими-то советскими старперами на брайтонском бордвоке, я отчетливо видел, что они физиологические расисты, но никогда не идентифицировал себя с ними.

«Одинокая Америка»

«Кризис идентичности»

«Смерть Запада»

А сейчас до меня вдруг дошло, что я тоже расист, ну пусть статен-айлендский, теоретический. Да, брайтонцы читают желтые газетки на русском языке и смотрят недвусмысленно подмигивающие их расизму программы Топаллера (точнее, смотрели, Топаллер недавно умер) на русскоязычном канале RTVI, а я читаю таких авторов, как Пэт Бьюкенен и Питер Браймлоу, чья эрудиция и интеллект не мешают им быть лютыми консерваторами и ярыми противниками иммиграции, и смотрю канал Fox News с Шоном Хеннити и Билом О'Райли, озвучивающими те же идеи, что и Виктор Топаллер на чистом английском языке (точнее, О'Райли озвучивал: его недавно уволили за то, что он 30 лет назад потрогал одной дикторше коленку).

И даже более того. В начале я сказал, что грань между русскими антисемитами-физиологами и антисемитами-теоретиками зыбка. Возможно, Шафаревичу только казалось, что он «против евреев» только головой — на самом деле он просто не хотел себе признаться, что он против них и кишками. Точно так же грань между мной и брайтонцами тоже зыбка. Возможно, я физиологический расист, а не какой-то там теоретический поборник иудео-христианства.

Но вот какое дело: факт, что это до меня дошло, нисколько не заставил меня почувствовать какую-то вину, покаяться. Мое озарение ни на миллиметр не подвинуло меня влево в сторону мультикультурализма и политкорректности. Я как перед сном, так и наутро остался мореным консерватором, трампистом и т.д.

Это неприятно. То есть не столько даже то, что я, оказывается, расист, а другое.

Ведь раньше я считал себя человеком объективным, рациональным. Я думал, что мои убеждения диктуются чистым разумом по Канту и наукой логики по Гегелю. А вот сейчас моя логика четко говорит мне, что объективно я являюсь расистом, однако это не производит во мне никакого внутреннего шока, сдвига и когнитивного диссонанса.

Значит, я шкурное, пещерное, нутряное существо: троглодит. А я-то воображал, что я homo sapiens.

Тяжелое, что и говорить, прозрение.

Остается, впрочем, одна маленькая надежда: а может, моя зеркальная аналогия не вполне корректна? Может, моя апология белой Америки в противовес цветному влиянию и софроновско-шафаревичевская апология матушки-Руси в противовес жидовскому влиянию — две большие разницы?

Надеюсь, что кто-нибудь из читателей «Хадашот», поумней меня, укажет мне, в чем разница.

Тогда я с облегчением вздохну и скажу себе: «Нет, все ж таки я не троглодит!»

Святослав Бакис